

Святослав — был одним из слабейших князей, когда либо княживших в Киеве. Знаменательно, что слово „великий“, часто употреблявшееся по отношению к главному из князей, как раз в это время перешло в титул князей владимирских: название „великого князя“ присвоил себе Всеволод Большое Гнездо, претендуя на старейшинство среди всех русских князей. Автор „Слова“ возвращает его Святославу Киевскому. Его реально присвоил вскоре и соправитель Святослава — Рюрик. Слово же „грозный“ и „гроза“ очень часто сопутствовало до XVII в. официальному титулованию старейших русских князей, хотя само в титул и не перешло (оно стало только прозвищем, при этом подчеркивающим положительные качества сильной власти, — Ивана III и Ивана IV). Слово „гроза“ как синоним силы и могущества княжеской власти часто употреблялось в XIII в. Поэтому прозвище Ивана IV — „Грозный“, как и прозвище Ивана III — „Грозный“, отнюдь не имело того отрицательного смысла, отнюдь не было синонимом слов „жестокый“, „опасный“. Это свое значение прозвище „Грозный“ приобрело только в XVIII—XIX вв.

Вот почему эпитеты Святослава Киевского — „великий“ и „грозный“ — это положительные эпитеты, подчеркивающие силу власти Святослава, его власть над другими князьями.

Итак, образы русских князей в „Слове“ — Святослава Киевского, Всеволода Суздальского, Ярослава Осмомысла Галицкого и некоторых других в значительной мере устремлены в будущее. Автор „Слова“ находит в князьях, к которым обращает свой призыв, те черты, которые хотел бы в них найти. Черты реального могущества этих князей соединены с такими чертами, которые относятся скорее к области желаемого. В разных князьях автор „Слова“ рисует обобщающий образ сильного князя. Он делает это в той мере, в какой это было возможно в XII в.

Я уже сказал, что идея сильной княжеской власти соответствовала интересам демократических слоев населения. Действительно, и на северо-востоке Руси во Владимиро-Суздальском княжестве, и на юго-западе Руси в Галицко-Волынской земле главной опорой княжеской власти в ее борьбе с боярством были горожане и сельское население. Сильная княжеская власть нужна была народным массам и потому, что только она способна была организовать твердую оборону Русской земли от внешних вторжений, и потому, что только она могла обуздать произвол мелких феодалов — боярства. Здесь надо принять во внимание замечательные указания Ф. Энгельса о постепенном возрастании роли королевской власти, как носительницы „порядка“, вступающей в союз с „революционными“ элементами города и деревни, со всеми прогрессивными силами.¹

Все это достаточно ясно доказано в советской исторической науке.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.